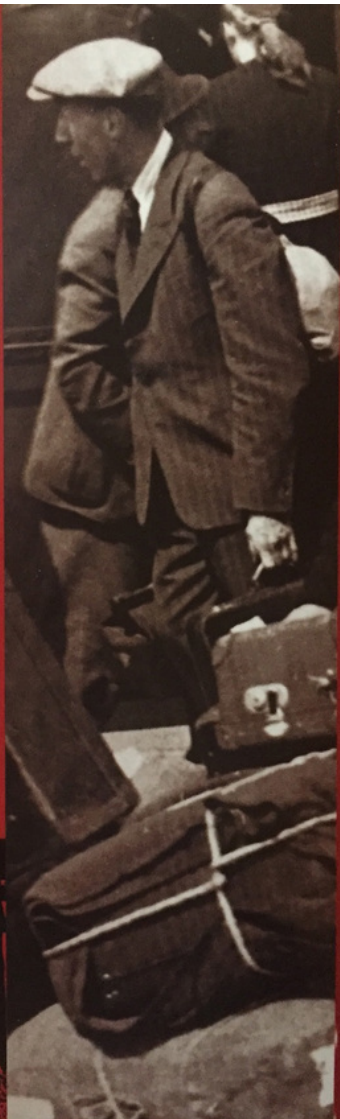

Ю.С. Грачев

В КРОДОВОЙ БЕЗДНЕ

Юрий Сергеевич Грачёв

В Иродовой бездне. Книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9457131

Благовестник;
ISBN 3-934583-05-9

Аннотация

Произведение Юрия Грачева повествует о жизни евангельских общин на Волге в 20-е годы, когда еще громко звучала проповедь вечного Евангелия, о последующем периоде гонений на Божью Церковь и жестоких, противозаконных репрессий против верующих, о переживаниях и надеждах простых людей – таких, как герой повести Лёва Смирнский, которых атеистическая власть пыталась стереть с лица земли.

Это произведение имеет второе неофициальное название – «Христианский архипелаг ГУЛаг». Автор на протяжении своей жизни несколько раз был осужден по советским законам за проповедь Евангелия. Роман написан на основе реальных фактов собственной биографии.

Содержание

Часть 1	4
Предисловие	4
Глава 1. Школьники	6
Глава 2. Как Лева уверовал в Бога	17
Глава 3. Первые шаги	25
Глава 4. Библиотека	36
Глава 5. Посещения	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ю.С. Грачев

В Иродовой Бездне

Воспоминания о пережитом

(книга 1)

Часть 1

Семнадцать лет

1928–1929

Предисловие

В предлагаемой читателю книге рассказывается о жизни верующего молодого человека. Это то дорогое, что хранится в сердце, когда в жизни уже все испытано, осмотрено. Когда человек, близясь к закату, определяет, взвешивает все ценности и делает окончательные выводы о самом важном в жизни.

Юноша жил и развивался, когда строилась послереволюционная Россия. Он, как и основная масса молодежи нашей страны, был сыном трудовой семьи и учился в советской

школе. На всех в той или иной степени действовали влияния религиозные и антирелигиозные. Одни, вырастая, становились атеистами, а другие – верующими. Лева, как и подобные ему, не плыли по течению: в его сознании развилось то, что сделало его жизнь христианской. Он стремился поступать по Вечной Книге, с помощью которой он нашел в юности то, что и по прошествии многих лет осталось для него величайшей ценностью.

Пусть отрицающие Христа не скажут: какое мракобесие! Но терпеливо, беспристрастно постараются проанализировать все то, чем жил Лева.

Служение Христу, – вот что определяло жизнь Левы, желание помочь ближним, облегчить горе, делать добро.

Эта книга адресована людям всех возрастов.

Да благословит Бог каждого человека, раскрывающего эти страницы, получить для себя и окружающих полезные уроки и понять, что наше сознание определяется не только земным бытом, но и небесным бытием, которое, как чудное солнце, влияет на жизнь людей, стремящихся к свету и добру.

Ю.С. Грачев. Куйбышев, 1970 г.

Глава 1. Школьники

«Простым дать смысленность, юноше – знание и рассудительность».

Притч. 1:4

Прежде чем идти в школу, Лева решил забежать к своему другу – однокласснику Шуре Голованову, который был известен среди ребят под именем Голованчик. Он жил недалеко. Его отец – рабочий железнодорожного депо – выстроил небольшой дом и разбил сад рядом с огородом родителей Левы.

На стук в калитку больших зеленых ворот почти тут же выбежал Голованчик. Это был юноша маленького роста с совершенно рыжей головой. Он весело замахал Лева.

– Это ты? Заходи, заходи. Я почти уже собрался в школу.

– Я к тебе на минутку, – сказал Лева, – один пример по алгебре не решил, давай посмотрим вместе.

Лева приветливо поздоровался с матерью Шуры, которая суежилась у печи. Это была простая, богобоязненная женщина. Она не особенно вмешивалась в жизнь и учебу своих детей, за исключением того, что на церковные праздники забирала в сундук их гитары и балалайки, говоря, что теперь играть нельзя.

Лева сверил свое решение с решением товарища, и они пошли в школу.

– Да, – сказал Голованчик по дороге, – подумать только, Лева, мы скоро закончим «девятилетку» (тогда в средней школе учились девять классов), получим свидетельство и можно поступать в вуз.

– Ты куда мечтаешь пойти? – спросил Лева.

– Я еще точно не решил, – ответил друг, – папа советует в индустриальный, да там большой конкурс. Я слышал, что легче всего поступить в ветеринарный институт.

– А я, – сказал Лева, – до сих пор думаю, куда поступать. Ведь ты знаешь, что я с детства вместе со Шмидтом (так они звали одноклассника Виктора) увлекался камнями. Сколько коллекций минералов мы собрали по берегам Волги, как мечтали стать геологами! А потом я увлекся химией, тогда ее еще и не преподавали в школе. Мы сделали много опытов! Какая интересная наука химия!

– Вообще-то ты, Лева, очень увлекающийся, – сказал Голованчик. – Щупленький, а столько всего хочешь захватить; вот и радио, и электричеством интересуешься. Впрочем, мне это тоже очень нравится.

Самодельные детекторные радиоприемники в то время были для школьников большой новинкой, и многие проявляли к ним большой интерес.

– Эх, если бы родители могли поддержать меня материально, – сказал Лева, – я, кажется, всю бы свою юность учился бы и учился; кончил бы один вуз, поступил бы в другой. Да только об этом думать не приходится, ведь мой папа фельд-

шер. Работая на железной дороге в приемном покое, он мало зарабатывает; а семья у нас большая: пятеро детей и я – самый старший.

– И я – самый старший, – сказал Голованчик, потому мы должны поскорей получить специальность, чтобы работать и помогать родителям.

Был тихий, ясный, осенний день – день так называемого бабьего лета. Листва с деревьев еще не опала и украшала все золотым убором сентября. Огромная школа из красного кирпича (здание бывшей семинарии) шумела от криков и беготни школьников.

Но вот раздался резкий электрический звонок, все разбежались по классам, и наступила тишина. У Левы и Шуры был урок литературы. Средних лет учительница с увлечением рассказывала учащимся о художественном творчестве великого русского писателя Льва Николаевича Толстого.

Вдруг урок ее прервался. В класс вошел заведующий учебной частью. Школьники встали, поздоровались. Он извинился перед преподавателем и заявил, что должен сказать учащимся несколько слов.

В своей краткой речи он подчеркнул, что для них наступил последний, завершающий учебный год. Требования к этому выпуску будут повышенные, и поэтому он просил всех особенно серьезно отнестись к учебе.

– Вы знаете, – сказал он, – большая часть нашей молодежи заканчивает только пятилетку или семилетку и идет на

производство. Вам же дано право получить полное среднее образование. Нужно особенно ценить то, что дает вам советская власть и серьезно готовиться к поступлению в вузы.

Заведующий ушел. А Лева некоторое время еще думал о нем, так как хорошо знал его. По дороге в школу они часто встречались, и по пути заведующий наставлял его о пользе физической гимнастики.

Теперь же Лева с большим вниманием слушал его рассказ о творчестве Льва Николаевича Толстого. Он очень любил этого писателя; знал, что у него есть философские и духовные статьи, но читать их еще не приходилось.

– Если бы я тоже мог хотя бы немного писать, – думал Лева. Он с раннего детства любил читать. Его мать в свое время училась в Петербурге на Высших Бестужевских женских курсах, но не окончила их. А вот увлечение литературой осталось у нее на всю жизнь. Эту любовь к чтению она передала и своим детям. Она познакомила их с произведениями А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, которые были настольными книгами в их семье. В четвертом классе Лева записался в литературный кружок, но еще раньше он пытался писать стихи. Вот одно из них:

...Бедняк милости просил, и богачу он молвил:

«Подайте на кусочек»,

Но богач не дал и пятачок.

Лучше быть бедняком, чем иметь каменное сердце.

Позже Лева понял, что писать стихи – совсем не его призвание и перешел на прозу. Его первым опытом была «Скала богов». Он написал об одном горном ауле, где верили в то, что на скале живут боги и поклонялись им. Тогда один юноша, смелый и храбрый, решил проверить это и забрался на скалу. С большими трудностями он достиг вершины и убедился, что никаких богов там нет. Холодные, каменистые, голые вершины – и все. Он спустился в свой родной аул и поведал людям об этом. С тех пор суеверию пришел конец.

Занимаясь в литературном кружке, Лева написал рассказ о пожаре, передал его председателю кружка – ученице параллельного класса Марусе Япрынцевой. Она так улучшила его рассказ, что, когда его читали на кружке в присутствии преподавателя, Лева едва узнал его и очень удивился. Еще в те годы подруги Маруси предсказывали ей нечто о Лева, а Голованчик всегда, когда видел Марусю, внушительно хлопывал приятеля по спине и посмеивался. Прошло много лет после этих школьных дней, и Маруся Япрынцева стала верной женой Левы.

А теперь, слушая учительницу о работе Льва Толстого над своими произведениями, Лева думал: хорошо бы заняться литературой и стать писателем. Действительно, сколько в жизни интересного, прекрасного – приобретать знания, учиться, развиваться, но лучше всего стать ученым-исследователем. Он невольно вспомнил фантастические рассказы своего друга Шмидта, который уговаривал его бежать из до-

ма, отвязать лодку на берегу Волги и поплыть вниз по реке.

– Ведь ученые всегда бегут, – говорил Шмидт, – потом забираются на облака, ходят по облакам и с высоты изучают небо и землю.

Тогда они даже сушили сухари, складывали в свои ранцы, готовясь в путешествие. Но все это прошло, и теперь Лева никуда не собирался бежать, сейчас было одно желание – хорошо окончить девятилетку и учиться дальше, чтобы стать честным тружеником.

Наступила перемена. Любимой игрой их в это время была борьба за мяч. Девушки перекидывали мяч между собой, а юноши отбивали его и бросали друг другу. В результате борьбы за мяч получалась огромная свалка. Все смеялись, веселились, и большие перемены проходили, как одна минута.

Но вот уроки закончились. Лева с другими ребятами направился домой. К нему подошел один из его друзей, который жил в городе.

– Лева, у меня нет учебника по литературе, не дашь ли ты мне до завтра?

– С удовольствием дам, возьми, только не забудь принести завтра, а то мне тоже нужно готовить уроки.

Дома Леву уже ждали. И как только он пришел, мать усадила его, трех его сестреноч и братишку за стол и начала кормить обедом. Отец был еще на работе.

Покушав, Лева вышел во двор-сад. (Здесь когда-то были

молоканские сады.) Молокане – одна из сект духовных христиан, которая возникала в России во второй половине 18 века. Отколовшись от православия, они стремились жить по Евангелию, были гонимы. Деда и прадеды Лёвы были тоже молокане.

Сад находился на окраине города Самары. Слева перед домом росли два больших дерева ранетки. Справа – большая сосна, с которой каждый год на Рождество отец срезан ветки для того, чтобы устроить детям «елку». А подальше впереди возвышалась необыкновенно высокая старая ветла. Эта ветла была, видимо, с тех пор, когда здесь были огромные приволжские дремучие леса. Ствол ее был настолько толст, что четверо мужчин не могли обхватить его. Достигнув четырехметровой высоты, он разделился на две части, где образовалось огромное дупло. Обычно там играли дети. Левее ветлы был знаменитый колодец с прекрасной водой. Он был известен нескольким соседним улицам, и люди, готовящие лимонад на продажу, специально приходили за этой водой. Дальше была рощица стройных, высоких тополей. Отец рассказывал, что он сажал их, когда был еще мальчиком. За домом слева была беседка из акаций и росли плодовые деревья, среди них особенно славилось одно, на котором созревало несколько сортов яблок. Лева ходил по этому тенистому двору, воздух был наполнен ароматами осенних увядающих листьев. Войдя в беседку, Лева невольно вспомнил, как здесь сидели раненые и он, будучи маленьким мальчиком, с

опаской посматривал на этих людей, ходящих на костылях.

Это было время первой империалистической войны. Братство евангельских христиан-баптистов, памятуя притчу Христа о милосердном самарянине, организовало в соседнем доме лазарет для раненых. Братство верующих не только проповедовало любовь, но на деле старалось проявить ее к тем, кто был покалечен на войне.

Отец и мать Левы были из молоканских семей, где Библия занимала первое место и люди стремились к высоконравственной жизни. Став взрослыми, они поняли, что молоканство не является полным исполнением учения Христа и, как рассказывали Леве, перешли в Братство евангельских христиан-баптистов, которое более соответствовало истинам Евангелия.

Недолго прогуливался Лева по двору. Он принес маме два ведра воды и сел за уроки. Занимался он в комнате, которую называли кабинетом. Там стоял отцовский письменный стол и большой сундук, на котором спал Лева. Стены комнаты были оклеены темноватыми обоями в строгом стиле. В других комнатах обои были светлые, с красивыми цветами.

Недолго Лева занимался. Пришел отец. Видно было, что он устал. Пообедав, он позвал Леву с собой на огород.

– Пойдем, пока стоит хорошая погода, мы должны спилить засохшую яблоню на дрова и выкорчевать пень.

Лева охотно пошел с отцом, он любил помогать ему. Они на зиму дрова не покупали, а топили обрезанными сухими

ветками и засохшими яблонями. Огород, на который они пришли, представлял из себя участок земли, граничащий со старым садом. Дружно взялись они за работу. Пот катился с них градом. Пилить сушняк было легче, чем корчевать и подрубать пни, – это самая тяжелая работа. Переносить на рубленный сушняк и напиленные ветки пришла вся семья и даже самый маленький братишка Левы – Веня.

– Да, хорошо у нас здесь, на 3-ей Молоканской, – сказал отец, вытирая пот, – а в городе-то... Ну и пыльна наша Самара.

Действительно, стоило подуть ветру, как над городом поднимались целые тучи черной пыли, которые проникали всюду. Лишь только район молоканских садов был защищен массивами деревьев земской больницы (ныне больница им. Пирогова).

– Да и в жизни людей, – добавил отец, – столько пыли, столько грязи. Трудно встретить чистые души.

Захватив две большие ветки и волоча их по земле, отец и сын направились к дому. По обеим сторонам улицы росли огромные зеленые тополя. Здесь вечерами устраивали гулянья. Люди из монастырского и железнодорожного поселков приходили, чтобы подышать свежим воздухом, погулять в саду. Один из старых артистов как-то сравнил этот молоканский сад с тургеневскими местами.

– Эй, отец, – обратился к Сергею Павловичу, отцу Левы, высокий парень в косоворотке, подпоясанный плетеным по-

ясом с кистями, – нет ли спичек. Хочу закурить.

Сергей Павлович остановился, улыбнулся, положил ветку, как будто собирался достать спички, но вместо этого начал говорить парню о вреде курения.

– Да, ведь это удовольствие! – сказал тот, почесывая затылок.

– А вот я тебе скажу о другом, – сказал отец Левы, – и тебе будет противен этот табак. Вот свежий воздух, разве не удовольствие, разве это не жизнь для организма? А всякое непотребство, курение и пьянка исходят из сердца.

– Как это из сердца? – поинтересовался парень.

Сергей Павлович тут же рассказал ему, что Спаситель мира Христос учил, что все плохое исходит из сердца человека. А когда человек обращается к Богу, он исцеляет сердце, и тогда человек стремится к доброму, ему уже не нужно всякое непотребство. Его удовольствие. – любить Бога, любить ближних, делать добро.

На эти слова парень махнул рукой и сказал, отходя:

– Какой-то ты божественный, папаша, смотри не испорть этим своего сына.

Лева знал удивительную черту отца – всегда использовать любой случай для того, чтобы сказать людям о Христе, о спасении. И тогда, когда они мылись в бане отец смело проповедовал Христа. Курение у них в доме совершенно не допускалось. Когда приходили разные знакомые отца, даже занимавшие высокое положение, отец всегда строго предупреждал:

«В доме у меня курить не разрешается»

Глава 2. Как Лева уверовал в Бога

«Пишу вам, отроки, потому что вы познали Отца».

1 Иоан. 2:13

Однажды тихим, теплым осенним вечером Лева пошел на огород для того, чтобы собрать сушняк. С этим огородом связаны воспоминания о лучших днях его детства. Здесь ему приходилось часами караулить, чтобы ребята не делали налетов на яблони и не обрывали несозревшие яблоки. Здесь, сидя под огромными высокими осокорьями, он любил наблюдать вечернее небо, искать первые появившиеся звездочки, которые зажигались одна за другой, когда начинало темнеть. Он размышлял о жизни, когда было светло, читал книги.

В этот вечер к нему перелез через забор его школьный друг Голованчик. Они поговорили об учебе, заданных уроках, и вдруг Голованчик как-то застенчиво сказал ему:

– Я давно собираюсь спросить тебя, как это ты по-настоящему уверовал в Бога? Мы вот верим – не верим, кто его знает, а вот в школе все знают, что ты настоящий верующий.

Лева задумался, помолчал, потом сказал:

– Ну хорошо, слушай меня, я постараюсь тебе рассказать, как оно есть и как оно было. Ты, конечно, знаешь, что отец и мать у меня верующие.

– Конечно, знаю, – сказал Голованчик, – и у меня мать

верующая, ходит в церковь, а отец не ходит в церковь, но Бога не отрицает.

– Можно верить по-разному, – сказал Лева, – но вот мои родители, как я вижу с детства, верят по-настоящему.

– Как это, по-настоящему? – спросил Голованчик.

– Это значит, вера у них живая, Божия. Они как верят, так и живут. Ты не перебивай меня, что непонятно, потом спросишь. С самого раннего детства я слышал от родителей о Боге. Всегда, когда мы садимся за стол кушать, молимся. И мама меня учила молиться. Я молился, как молятся сейчас мои сестренки и братишка – это была детская вера – несознательная. Ты знаешь, с детства нас приучили любить книги. У нас их много.

– Да, я видел в вашем доме целый шкаф книг. Как много!

– Так вот, мне говорили, что среди всех этих книг, написанных разными писателями, самая лучшая книга – это Библия. Водили нас на собрание, где читают эту книгу, молятся Богу, поют Ему хвалебные песни. Посещал я эти собрания с родителями, слушал Слово Божие, а кроме того, там устраивались детские собрания, на которых нам, детям, популярно рассказывали о жизни Иисуса Христа. Много ребят туда ходило. Мы часто разговаривали между собой. Помню, один убеждал нас, что видел чертей, таких юрких маленьких с рогами и хвостами. Я вначале поверил и попросил показать их. И вот мы раз засели у них во дворе ожидать черных. Сидим... Действительно, что-то там под домом заше-

велилось, у меня даже волосы на голове поднялись. Хотел удрать, но все-таки думаю, что надо взглянуть на нечистых. Представь себе увидел: только без рогов, а с хвостами. Это были обыкновенные крысы. Конечно, тут я всякую веру в рогатых, нечистых потерял. Чепуха все это. Я ходил на собрания, участвовал в детских праздниках. Все было интересно, хорошо, радостно, а только по-настоящему верующим я не был. Был такой случай. На детском собрании тому, кто хорошо и больше расскажет стихов, дарили цветные открытки на память. Мне тоже подарили открытку с голубым цветком. Моей сестре Симе, которая прочитала одно стихотворение, да еще и неправильно, подарили точно такую же открытку с таким же цветком. Возмутился я, пришел домой, смял эту открытку, бросил и сказал маме, что больше на детские собрания ходить не буду, нет никакой справедливости. Почему Симе подарили такую же открытку, когда она ничего не знает? Одним словом, было у меня не хорошее сердце, а завистливое. Нужно сказать тебе также, что мама моя очень боялась, что я стану безбожником и три года учила меня дома читать, писать и познакомила с географией. А потом я пошел сразу сдавать экзамен в третий класс. Сдал. Меня приняли в школу. Помнишь, там, в железнодорожном поселке, была деревянная, желтенькая школа? Там я и учился.

– А потом ты в нашу перешел? – спросил Голованчик.

– Да, – ответил Лева. Попал я в среду таких ребят, где было много шума, часто дрались, дразнили мальчишку еврея.

Как вспомню, во мне все переворачивается. Над горбуном одним тоже смеялись.

Сразу увидел я, какая разница между ребятами, которые слышат о Боге, учатся жить по Евангелию, и теми, которые не знают Его совсем. Ну, некоторые, конечно, покуривали, другие – грязные слова употребляли, и мне стало ясно, что по Божьи гораздо лучше жить, никого не обижать. Помню настал урок природоведения, тогда мы по учебнику Троянского занимались, вел урок заведующий школой. Рассказал он нам как образовалась земля, как постепенно появилось все: растения, животные, человек. На следующем уроке он вопросы задает и меня спрашивает: «Расскажите, как трава, деревья, животные появились?» Я встаю и кратко отвечаю: «Бог создал все». Ну, часть учеников рассмеялась. А учитель оказался серьезным и сказал: «Вот поучишься – узнаешь, что Бога нет, что все образовалось само собой, по законам природы».

Стали нас записывать в пионеры. Одни записываются, другие – нет. Их спрашивают: «Почему не записываетесь?» Некоторые говорят: «Папа, мама не велят». Думаю я про себя, что отвечать. С родителями я об этом не советовался, а Божье мне больше нравилось, нежели то, что окружало меня, и я встал, громко и ясно заявил: «Мне записываться не к чему, так как я буду Христовым пионером». Поднялся страшный хохот. С тех пор меня на переменах так и дразнили: «Христов пионер». Каким должен быть Христов пио-

нер я точно не знал и таких людей не встречал. Только однажды я почувствовал себя пионером – это во время революции, когда мне было лет семь. Набрал я тогда у отца брошюр: «Вред пьянства», «Неверие – мать всякого зла» и пошел раздавать по улицам. Меня схватил какой-то человек и потащил в учредиловку. Я, конечно, начал реветь. Матери сообщили, что ее ребенка повели куда-то, и она пришла и выручила меня.

В школе я любил урок естествознания. Учителя дружески говорили, видя мою любознательность и детскую веру в Бога: «Почитай о происхождении человека, почитай Дарвина и ты — не будешь верующим». Я брал книги в библиотеке, у своего дяди Николая Павловича, который был равнодушен к вопросам веры, курил и выпивал. Достал я книгу Дарвина «Происхождение человека и половой отбор». Прочел внимательно ее и другие антирелигиозные книги. Родители не запрещали, пожалуйста, знакомься, читай то и другое. Меня стали мучить сомнения, где же правда? Где же истина? Старался разобраться. Сердце болело, а что если на самом деле человек произошел от обезьяны и никакого Бога нет? Верить в то, что наука противоречит вере в Бога, учению Христа я, конечно, никак не мог, так как своими глазами видел, что люди образованные, ученые глубоко верят в Спасителя. Вот, например, мой дядя Петр Иванович Чекмарев – известный инженер, окончивший Технологический институт в Петербурге, тот, который подарил мне замечательную книгу «Хи-

мия в обыденной жизни», является проповедником Евангелия. Я вижу, что его жизнь и жизнь его семьи чистая, нравственная, прекрасная.

– А я заметил, бывая в вашем доме, что и твоя мать, и твой отец – особенные люди; они совсем не такие, как все, в том числе наша родня и мой отец, – сказал Голованчик. Да, ты прав, когда люди по-настоящему верят в Бога, они становятся другими людьми, у них в семье все доброе, чистое. Бывал я также в Давлеканове, там естествознание преподавал один близкий моим родителям человек, окончивший Казанский университет, – Иван Петрович. Он же – большой музыкант. Показывал он нам богато оборудованный кабинет физики, различные опыты с электричеством, а потом в их доме мы славили и благодарили Бога, Который создал весь мир и все законы, и дал человеку путь спасения. Я видел, что Иван Петрович прекрасно знает учение Дарвина, Тимирязева и других светил науки, но это нисколько не загораживает от него великое солнце – Христа. И все-таки меня мучили сомнения. Преподаватель истории, который дружил со мною, от души желал мне учиться и учиться, говоря, что все религиозные предрассудки, навеянные воспитанием, исчезнут. Я учился, много читал и, смотря на жизнь настоящих верующих и видя жизнь неверующих, жизнь мира, понимал, что больше света у верующих.

– Между тем я должен тебе сказать, со мной творилось что-то неладное. Я становился все злее. Были бесконечные

ссоры с сестрами. Купил финский нож и однажды в пылу гнева так ударил им по столу, что он сломался. Родители говорили, что мне нужно покаяться, обратиться к Богу. Я молчал. Были моменты, когда они меня приглашали на собрание, а я, не смотря на мать и постукивая пальцем по стеклу окна, говорил: «Не пойду». Но на душе было нехорошо. Ходил все же на молитвенные собрания и вел там себя не очень хорошо. Бывало во время пения сидим с двоюродным братом Всеволодом, да так расхохочемся, что нас хотят уже выводить и при этом стыдят, как детей верующих. А нам смешно, смех просто разбирает... А душа болела и искали правды... Мне тогда было 15 лет. И вот настал момент когда я понастоящему воззвал к Богу. Стал я молиться, просить, чтобы Он обновил мое сердце, чтобы плохое оставило меня, чтобы поверить, Я покаялся во всем. Получил веру в то, что Христос простил мне все. Мне сказали, что верующий в Сына Божия имеет жизнь вечную. Я поверил этому. На сердце стало так легко. Не хочу сказать тебе, что я стал совершенным, нет, нет. Но я стал на ту дорожку, которая ведет к лучшему, я больше сторонился всего плохого, ведь раньше приходили и ко мне мысли: не научиться ли курить? А теперь это все стало таким диким, ненужным, странным. Новая, лучшая жизнь открылась предо мною. Всем своим существом в Минуты молитвы я ощущаю другой мир, который выше, лучше нашего земного. Я не только поверил, что Бог есть, но я стал верить Богу, Его словам, Его повелениям, я стал по-

настоящему верующим.

– Да, – сказал Голованчик, – все это интересно, но я как-то обхожусь без этого, не задумываюсь над этим и не хочу думать, где правда, где неправда. Лучше жить так, чтобы получить хорошую специальность, занять высокое положение, и все будет в порядке. (Голованчик – Александр Голованов получил высшее образование, стал ветеринарным врачом. Посвятил свою жизнь военной службе, был обеспечен, жил, как все. Служил на Дальнем Востоке. Во время культа личности погиб, когда были уничтожены Блюхер, Тухачевский и другие.)

Лева ничего не ответил, стало совсем смеркаться. Он взял топор, пилу и направился домой. На душе было тихо, спокойно. Сел за уроки. Поздно вечером пришел отец с работы.

Вся семья перед сном собралась для молитвы. Отец, открыв Евангелие, прочел: «Да любите друг друга, как Я возлюбил вас». Кратко сказал, что беда людей в том, что они не могут любить друг друга, как заповедал Христос. Любят родных, любят друзей, любят и по расчету, а чуть – что, то ссоры, неприятности, и от любви не остается ничего. Не так любил Христос. Он любил всех и даже тех, кто распинал Его, всем прощал, всем желал только доброго.

Преклонили колени. Каждый молился. Молился Лева, прося Господа, чтобы Он научил его любить всех людей, так как Он Сам возлюбил их.

Глава 3. Первые шаги

«И будет он, как дерево, посаженное при потоках вод».

Пс. 1:3

Учеба в школе шла успешно. Лева был одним из тех учеников, которые всегда ясно и понятно отвечают, и учителя его уважали. Не было среди школьных товарищей тех, с которыми он ссорился и имел неприятности. Все, кажется, шло нормально. Но однажды произошел случай, который показал, что Леву держат на особом учете.

Они проходили общественные науки, в том числе курс политэкономии. Лева изучал все так, как все, и отвечал не хуже других. Но вот однажды, после сдачи зачета по политэкономии, преподаватель объявил: «Лева Смирнский – неудовлетворительно». Класс зашумел, многие вскочили:

– Это почему? Как так? Ведь он все ответил?!

– Тише, садитесь все, сейчас объясню, – сказал торжественно педагог. – Нам известно, что Смирнский – верующий человек, вот уже заканчивает девятилетку, проходит общественные науки и в то же время ничего не смыслит.

– Как не смыслит? – закричал Голованчик. – Это совсем несправедливо.

– Я вас прямо спрошу, Смирнский, ведь вы верите в Бога?

– Да, верю, – ответил Лева, спокойно вставая и глядя пря-

мо в глаза преподавателя.

– Так вот, видите, слышали? Он не отказывается, верит, значит, он верит во все духовное, во всякую нечистую силу, а в науку он не верит. Вот электричество возьмем, например, вы верите в электричество?

– Конечно, верю и знаю, что есть электричество, и наблюдаю его, – ответил Лева.

– Не лицемерьте, вы не верите, – сказал убежденно преподаватель. Для вас реальный материалистический мир не существует, вы идеалист. Когда вы едете на трамвае, вы думаете, что это вас тащит нечистая сила.

Он засмеялся, но никто в классе его не поддержал. Встала староста группы и сказала:

– Мы с вами совершенно не согласны. Вы неправильно поставили отметку Смирнскому, он отвечал хорошо.

– Он отвечал механически, по зубрежке. Если бы он вник в сущность преподаваемого предмета, он, конечно, оставил бы всякие бредни о Боге.

– Но и мы верим. И мы верим, – раздались голоса некоторых девушек.

– С вас спрос маленький, – сказал преподаватель, – вы еще могли не разобраться, а с него мы можем спросить, он неплохой ученик, много читает, и мы к нему должны предъявить соответствующие требования.

– Нет, мы с вами не согласны, мы поставим этот вопрос на школьном совете, – раздались голоса.

Когда преподаватель вышел, возбужденный класс написал целую петицию школьному совету, прося, чтобы он пересмотрел несправедливую оценку, поставленную на зачете Смирнскому, и исправил ее.

Эта петиция была подписана всеми учащимися за исключением болезненного юноши Гиммерлейха, который всего боялся и ужасно опасался, как бы чего не вышло. Лева пришел домой грустный, воспоминания нахлынули на него. В 15 лет он усиленно занимался наукой и аккуратно ходил по воскресеньям на собрания. Но как это было ни странно, там он был страшно одинок. Молодежи приходило очень много. Было два больших хора: старый хор, которым управлял Петр Иванович Кузнецов, и молодой хор, которым управляла жена пресвитера тетя Тереза. Там играл большой, все увеличивающийся, струнный оркестр. Вся молодежь занималась искусством: кто пел, кто играл на инструментах, и, когда кончилось собрание, музыканты шли к музыкантам, а певцы к певцам. Он стоял одиноко, никто не подходил, не беседовал с ним. Возможно, это объяснялось тем, что многим он казался маленьким. Вся обращенная молодежь была постарше. Лева уходил домой и там читал духовную литературу и большую Библию с картинками, которую подарил ему отец. Сверстников, которые могли бы разделить его духовные интересы, не было. Двоюродный брат Всеволод и другие, которых Господь еще не коснулся близко, жили своими интересами (голубями и прочим, что совершенно не интересовало Леву).

Однажды к ним в дом пришла молодежь для посещения. Руководила этой группой молодая девушка лет 20 – Валя Алексеева. Она не пела в хоре, – не играла на музыкальных инструментах, а посвятила себя всецело добрым делам, и в частности, посещению больных и семей верующих. Теперь, когда Лева впервые почувствовал, что неверующий мир относится к нему с пренебрежением, ему особенно было приятно вспомнить это посещение молодежи, когда Валя спросила его, отдал ли он сердце Господу.

– Да, – ответил он, – я пошел за Ним.

– А мы думали, что ты еще маленький, – раздались голоса. Лева поделился с ними, как он боролся с сомнениями, как зло все больше и больше проникало в его сердце, и в то же время Господь звал его.

– Где же вы покаетесь? – спросили они его.

Хотел покаяться в собрании, когда призывали грешников, но держался за спинку скамьи, чтобы только не встать. Однако Господь не оставлял меня, и здесь дома, в своей семье, я обратился к Нему.

Он изменился с тех пор, как отдал сердце Иисусу, – подтвердила мать.

Валя Алексеева стала приглашать Леву посещать больных. Когда кончилось утреннее собрание, он вместе с другими ходил на посещение, чтобы порадовать больных (на посещение ходило человек 15–20). От хора Лева отказался, потому что у него не было музыкального слуха.

– Ну, какую же работу тебе поручить? – говорила молодежь. – Ведь без работы христианин не может быть, чем-то он должен служить Господу.

По субботам проходили собрания молодежи призывного характера. Здесь руководили наиболее зрелые среди молодых людей, такие, как Витя Орлов, Петя Фомин. В слове участвовали молодые братья и сестры, юноши и девушки декламировали стихотворения, пели соло, дуэты. И вот решили дать Лева поручение. Когда объявят, что пройдет тарелка для сбора средств на дело Божие, то он ее возьмет и соберет пожертвования.

Теперь, вспоминая об этом предложении, Лева невольно покраснел, ведь так неудобно, просто стыдно идти с тарелкой, но все-таки он смирился и решил выполнять это служение. Таковы были его первые шаги. По мере углубления в Слово Божие ему становилось особенно ясно, что нужно смириться и быть кротким.

А теперь эта несправедливая отметка. Что делать? Писать протест, как поступил его класс, или молча снести обиду? Он вспомнил совет Христа: любите, молитесь за обижающих вас. И он решил промолчать, молиться о тех, кто несправедлив с ним. Лева сознавал, что теперь, когда союз воинствующих безбожников развивает самую активную деятельность, всюду проходят лекции, диспуты, его не оставят в покое и будут перевоспитывать. Поэтому он решил глубже ознакомиться с христианским учением, которому он посвятил себя.

Кто-то сказал ему, что лучшим представителем христианской философской мысли был Владимир Соловьев. К тому же у матери было собрание его сочинений. Вечером, когда он заканчивал уроки и все дома успокаивалось, он садился за изучение трудов Владимира Соловьева.

В тот вечер, когда он читал «Оправдание добра» этого философа, к ним зашел известный христианский проповедник Иван Борисович, евангельский христианин, получивший образование за границей. В свое время он редактировал журнал «Христианин» у Проханова, а теперь, будучи больным, проживал с женою в Самаре. Он отличался исключительным красноречием, и когда выступал на диспутах с безбожниками, то прямо громил их своими острыми умозаключениями и яркими сравнениями.

Увидев Леву, склонившегося над книгой у стола, освещенного подвесной электрической лампой, он был очень удивлен, что тот читает Владимира Соловьева.

– Как, в такие годы и уже Владимира Соловьева? – воскликнул он.

– В какие годы? – сказал Лева, улыбаясь. – Мне уже 17 лет.

– Вы пережили возрождение?

– Да, я пережил и не только это, – ответил Лева. – В 16 лет я принял водное крещение и присоединился к общине.

– Да?! Вы старший сын Анны Ивановны и Сергея Павловича? Счастливые они, что имеют такого сына, я очень рад, что могу познакомиться с Вами.

Иван Борисович удобно расположился в кресле рядом севой и начал расспрашивать его.

– Ну, что Вы уверовали, это я понимаю, но как так рано могли принять крещение? Есть верующие, которые допускают мысль, что до совершеннолетия не должны принимать крещение, ведь это может быть просто поверхностным увлечением.

– Когда я обратился к Господу, – сказал Лева, – мне очень хотелось больше трудиться для Него, я видел, что это могут делать только те, которые дадут обещание служить Богу доброй совестью, т. е. принявшие водное крещение. Сам Христос вышел на труд только после крещения. Кроме того, когда я видел, что община принимает вечерю Господню и вспоминает страдания Спасителя, а я стою вне за закрытыми стеклянными дверями (в то время все не члены церкви не могли быть на вечери Господней, а присутствовали в прихожей как интересующиеся), мне было не по себе. Ведь Сам Христос, когда Иоанн удерживал Его, сказал: «...Надлежит Мне исполнить всякую правду». И я сознавал, что если я не исполню правду крещением, мой духовный рост затормозится, я не смогу подняться на следующую ступень своего духовного развития.

– О, Вы рассуждаете, как взрослый, – воскликнул Иван Борисович, – но все-таки, как Вы подошли к этой проблеме?

– Я молился об этом, читал Слово Божие о крещении, а потом пошел к пресвитеру и сказал, что я желаю принять

водное крещение.

– А он что?

– Он сказал: «А ты спросил папу и маму?»»

– Я ответил, что не спросил, а хочу поступать, как Павел, который не стал советоваться с плотью и кровью. Пресвитер сказал, что он поговорит с родителями, а также с молодежью, а потом он даст мне ответ, допустит ли он меня к испытанию или нет.

– Ну и как?

– До испытания допустили, я очень волновался. В молитвенном доме было много народу, нас, испытываемых, приглашали по очереди. Мне сказали, чтобы я прошел вперед и встал перед кафедрой. Попросили рассказать о моем обращении. Волнуясь, я рассказал, как Христос вошел в мое сердце. Затем задавали вопросы. Среди присутствующих был известный благовестник Андрей Петрович Зукао. Я его особенно уважал за его проповеди. Он мне тоже задавал вопросы и при этом ободряюще смотрел на меня. Потом меня выслали, пригласили опять и сообщили, что церковь меня принимает и в следующее воскресенье будет крещение на Волге.

Лева замолчал, потом как-то оживился, глаза у него заблестели, и он сказал:

– Там, под Ульяновским спуском, в присутствии на берегу всей общины и многих интересующихся людей я вошел в воду и на вопрос крестившего меня пресвитера Корнилия

Францевича Кливер: «Веришь ли, что Иисус Христос есть Сын Божий?» – ответил:

– Да. Верую! Тогда он сказал:

– По повелению Господа Иисуса Христа крещу тебя во Имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. И он погрузил меня в воду. Хор пел на берегу, как сейчас помню: «Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись!»

Иван Борисович, слушая рассказ Левы, радостно кивал головою:

– Да это крещение по – первохристианству. Сколько людей не могут полностью разобраться в этом вопросе. Одни – отвергают, другие – понимают духовно, третьи – крестят без веры.

– После этого. – продолжал Лева, – вся община направилась в молитвенный дом. Шли большой толпой с Волги, как будто это была демонстрация. Там, в молитвенном доме, на принимающих крещение были возложены руки. На меня возложил руки один из известных первых тружеников братства нашего Ефим Симонович Янченко.

– Да, это достойный брат, пострадавший за Христа и в избиениях лишившийся глаза при царском режиме, – произнес задумчиво Иван Борисович. – Но что же изменилось у тебя после того, как ты вступил в церковь?

– Я стал больше принимать участия в работе нашей христианской молодежи. В субботних собраниях стал проповедовать Евангелие.

– Ты – проповедник Евангелия? – воскликнул Иван Борисович, вскакивая. – И это без всяких курсов и подготовки?! Да, впрочем, – сказал он, садясь в кресло и успокаиваясь, – ведь ты, как Тимофей, с детства знаешь Писание, которое может умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса.

– Когда мне впервые предложили говорить слово, – сказал Лева, – я очень волновался, горячо молился Богу, чтобы Он мне дал тему. И мне дано было говорить о Христе распятом, о Голгофе.

– Приготовил ли ты себе конспект?

– Да. Приготовил на небольшом листочке, записал столбиком основные мысли, которые были положены на сердце. Затем, признаюсь, по вечерам я уединялся в саду и там вполголоса читал вслух свою проповедь. Настало время, когда мне нужно было выступить с чтением Евангелия. Взошел на кафедру, а сам себя будто не ощущаю. До этого мне тоже приходилось бывать на кафедре: говорил стихотворения. Но проповедь – не стихотворение, тут нужно сказать от сердца, ведь от избытка сердца говорят уста. Не слышал я своего голоса, как говорил – и сам не знаю. Но, слава Богу, Господь помог и я сказал то, что было мне дано. Правда кое-что пропустил, в конспект неудобно было заглядывать.

Иван Борисович слушал и с любовью смотрел на юношу.

– Помоги, помоги тебе Господь быть проповедником, благовестником Евангелия.

В это время вошла Анна Ивановна и стала приглашать го-

стя к столу.

– Я рад, что познакомился с вашим сыном, – сказал Иван Борисович, – и хочу отметить ко всему прочему, что он скромно одет. Эту толстовку вы, вероятно, ему сшили сами? Очень удачный, скромный костюм.

– Полагаю, что скромность необходима христианину, – сказал Лева. – В таком скромном костюме, который я ношу со дня своего обращения, я хотел бы появляться везде и всегда.

За столом Иван Борисович начал жаловаться Анне Ивановне на своих родственников, на неприятности и после чая простился, пожелав всем главного – мира и любви.

Глава 4. Библиотека

«Доколе не приду, занимайся чтением, наставлением, учением».

Тим. 4:13

– Лева, Лева, не уходи, – кричал Петя Фомин, пробираясь после собрания через толпу.

Лева хотел уже идти на посещение, но Петя остановил его:

– Иди сюда, ко мне.

Они зашли в библиотеку, которая была здесь же в молитвенном доме (это на втором этаже здания евангельских христиан баптистов, расположенного по Крестьянской улице, – ныне улица Ленина, 173). Перед входом в библиотеку был книжный стол, где производилась продажа Евангелий, Библий, духовных брошюр, текстов. Руководил этим Гора Макаренко.

Справа от библиотеки была раздевалка.

– Садись, – сказал приветливо Петя. – Ты знаешь, что я заведу библиотекой, но мы посоветовались и решили, что ты мне будешь хорошим помощником. Ты аккуратный читатель и облегчишь мне эту нелегкую работу.

– Почему же вы приглашаете меня и сразу говорите: «Нелегкая работа»?

– О, – протянул Петя, – ты представить себе не можешь как часто некоторые люди бывают неаккуратны с книгами.

Хотя у нас все поставлено и хорошо. Вот посмотри каталог, все по номерам, книги стоят в шкафу в полном порядке, и кому выдаем, то записываем. А то, как возьмут, так и зачитают,

– Как же это получается? – спросил Лева.

– Да, вот так, сами прочтут, передадут другому, а тот – третьему, а потом и книгу не найдут. А ведь книги – это ценность, тем более духовные. Теперь ведь они совсем не издаются.

– Да, это плохо, когда зачитывают, – сказал Лева, – вот у моих родителей много духовных книг, а часть их тоже зачитали. Возьмут у мамы, потом она ищет, а кому отдала, не помнит, а о том что бы вернуть, некоторые и забывают. Это недостаток нашего духовного воспитания, – сказал Петя, – если в этом мире люди неаккуратны и даже воруют книги в библиотеке, то этого не должно быть среди нас. ведь написано: «Не оставайтесь должными никому ни в чем, кроме взаимной любви». Полагаю, что нам сегодня после вечернего собрания нужно оставить молодежь и поговорить, особенно об обращении с книгой. И я прошу тебя, Лева, тоже высказаться по этому вопросу.

– А в чем же будет заключаться моя работа в библиотеке? – спросил Лева.

– Ты будешь выдавать и принимать книги без меня. Вместе будем составлять список должников, вовремя будем отдавать книги в ремонт, привлекать больше и больше членов

общины в нашу библиотеку.

Вечером после собрания молодежь осталась по просьбе Пети Фомина.

– Друзья, – сказал он, – начнем с молитвы, чтобы Господь благословил нас. Встанем и помолимся.

Кто-то предложил спеть гимн:

Дорогая и святая Книга Божия...

Ты дороже с каждым днем

И ведешь святым путем

К чудной родине, где ждет Господь меня!

Выступил Петя. Он говорил о великом значении Библии, о том, что сейчас каждый может купить себе совершенно новую Библию или Новый Завет. Опрос показал, что вся молодежь имеет свои Библии. Лева сказал, что после крещения родители подарили ему карманную Библию.

– Так вот, друзья, мне хотелось бы сказать о бережном отношении к книгам и прежде всего к Библии. Как грустно смотреть, что у некоторых Библия растрепана, с разорванным переплетом, ведь есть все возможности иметь целую Библию, аккуратно обращаться с ней, брать только чистыми руками, не класть на стол, где могут облить ее пищей или схватить маленькие дети. Можно обернуть ее в соответствующую бумагу, можно сделать картонные футляры для того, чтобы книги меньше изнашивались, когда их несут в собрание. Я бы очень хотел, чтобы все имели именно такие Биб-

лии, на которые приятно было бы смотреть.

Когда он кончил, встал Коля Иванов – студент педагогического института, ревностный молодой проповедник Евангелия.

– Друзья, – сказал он, – многие из нас любят подчеркивать в Библии. Я и сам люблю это делать, так как потом легче искать, где что написано в этой великой библиотеке божественных книг. Хочу сказать, что будем подчеркивать аккуратно, лучше по системе, что бы определенными цветами выделять ведущие истины Библии.

Далее опять выступил Петя Фомин. Он сказал, что очень рад иметь помощника в лице Левы и выражает свою убедительную просьбу об аккуратном обращении с книгами библиотеки, которые фактически являются пособиями по изучению Библии и христианства.

– Друзья, – продолжал он, – помните, что книги – это большое для нас богатство. Ведь многие верующие хотели бы почитать духовную литературу, старые журналы, но не имеют их, потому дорожат каждым листочком, а у нас библиотека, и, помоги нам Бог, с каждой книгой обращаться бережно, чтобы она не изнашивалась. Чуть заметил что испортился переплет или листок надорвался, осторожно подклей. Будем также аккуратно, чтобы и другие могли прочитать их.

Вдруг встал один старичок, всеми любимый брат Ладин, и сказал:

– Я вот, братья, читаю свою Библию день и ночь, и, пред-

ставьте себе, Новый Завет так внизу справа износился, что страницы местами как будто истлели. Купить новую могу, а со старой жаль расставаться, ведь я с ней словно сроднился. А как ее привести в порядок, даже не знаю.

– Да, пожалуй, это трудно, – сказал брат Никодим Федорович Баннов, один из представителей зрелой молодежи и уже семейный. – Для того, чтобы не было такого, лучше открывать книгу не за нижний угол, а сверху за край страницы, тогда листки меньше бы изнашивались.

– Это полезный совет, – заметил Шура Кузнецов.

– Ну, друзья, есть у кого вопросы по библиотеке? Лева может быть что-то скажет?

– Я хочу сказать кратко, что мы должны привлекать новых читателей в нашу библиотеку, приближающихся, давать им соответствующую литературу, особенно молодым. Ведь как раз молодому Тимофею писал Павел: «Занимайся чтением». И если мы не будем читать, мне кажется, это станет большим недостатком.

– Да, это, конечно, минус, – раздались голоса.

– Я хочу спросить, – встала одна молодая сестра, – можем ли мы читать мирскую литературу? Времени у нас и так мало, каждый вечер занят: то собрание, то спевка, то музыка. А меня, когда прихожу, берет соблазн: смотрю, а сестра сидит и роман читает.

– А я даже знаю некоторых из нашей молодежи, – сказал Шура Кирюшкин, ~– что засыпают с мирскими книжками.

Поднятый вопрос вызвал оживленный обмен мнениями. Подводя итог, Петя Фомин сказал, что читать мы можем все, как написано: «Все мне позволительно, но не все полезно». Брать для чтения следует то, что необходимо по специальности и для развития общего кругозора, но не делать из чтения светских книг увлечения для праздного проведения времени. Мы можем полагать, что апостол Павел знал не только Библию, он знал и поэтов, философов того времени и, находясь в Афинах, он отметил греческих стихотворцев, которые писали: «Мы его и род». В «Послании к Титу» он также упоминает: «Из них же самих один стихотворец сказал: «Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые». Следовательно, он знал поэзию своего времени и использовал ее в своей духовной работе, и будет хорошо, если мы, читая различные книги, сможем выбирать из них подходящие мысли, сравнения и примеры для подтверждения божественных истин в наших беседах, проповедях.

Работа в библиотеке дала возможность Леве лучше познакомиться с книжными сокровищами сблизиться с читателями (братьями и сестрами), узнать их интересы, дела, желания. Все же он должен был отметить, что молодежь была очень загружена собраниями, дополнительными беседами, посещениями, спевками, оркестрами – и у нее оставалось совсем мало времени для глубокого изучения Библии и чтения духовных книг, не говоря уже об общем своем развитии. Также некогда было общаться со своими домашними.

Многие чувствовали, что это ненормально, а изменить ничего не могли.

Глава 5. Посещения

«Был болен, и вы посетили Меня».

Мтф. 25:36

Осень брала свое. Дни становились холоднее, ночи темнее, по утрам начинало подмораживать. Школьная жизнь у Левы шла как обычно, без приключений. В общине было тоже все спокойно, проходили радостные, бодрые собрания.

Самара в то время была центром Волго-Камского союза евангельских христиан баптистов, и город посещали многие благовестники оттуда и со всей страны. Тематические собрания молодежи проходили оживленно. Об этом широко объявлялось, раздавались программы молодежных вокально-музыкальных вечеров, часто помещение зала большого молитвенного дома было переполнено. В это время произошли события, о которых братство верующих до сих пор не знало. Пошли слухи, что в некоторых местах России стали арестовывать как руководящих работников, так и рядовых ревностных членов церкви. Срок им давали быстро и высылали из родного города с правом проживать во всех местах и городах Советского Союза, за исключением шести важных центров (это называлось минус шесть).

Неожиданно в Самару прибыли из Астрахани ссыльные братья: пресвитер Астраханской общины брат Филяшин и

проповедники – Шаронов, Исырин, Краснов. Из Саратова приехала высланная сестра – преподавательница Угрюмова. Община верующих с распростертыми объятиями встретила их, помогла устроиться с жильем. Шаронов и Краснов поселились во дворе молитвенного дома, остальные – в семьях верующих. Им была предоставлена также возможность трудиться в общине, они проповедовали, пели, устроились на работу.

Хотя высланные подробно рассказывали о допросах, днях заключения в тюрьме, Лева к этому не прислушивался. Если бы его спросили, за что сослали братьев, объяснить толком он не смог бы. Общее мнение было – гонимы за Слово Божие.

Миша Краснов быстро влился в Самарскую христианскую молодежь, пел во втором хоре, проповедовал, активно участвовал во всех мероприятиях.

– Друзья, друзья, идемте посещать, – раздался голос Вали Алексеевой.

Несколько человек присоединились к ней. Среди них были Миша Краснов, Лева, Клавдия Кабанова и другие. Миша был гораздо старше Левы, но они от души полюбили друг друга, потому что оба стремились к науке, к знанию, оба были книголюбями.

– Ты знаешь, что у меня есть? – спросил однажды Миша Краснов, когда они шли посещать.

– Что же у тебя есть? – переспросил Лева.

– Очень старинная книга древнего историка Иосифа Флавия «Иудейская война». После посещения зайдешь посмотреть?

Лева конечно согласился. Когда они шли посещать, то часть возвращающейся молодежи из собрания присоединилась к ним. Дорогой встретили Шуру Бондаренко и пригласили также пойти с ними.

– О, не могу, не могу, – воскликнул он, – спешу на репетицию. У нас Шура Кузнецов написал «пупури», так что мы решили изучить это и потом играть на собрании.

– Когда же вы будете играть? – спросил Лева,

– А вот как кончится проповедь, и мы вместо аплодисментов ему и всем сразу исполним «пупури».

– Ну разучивайте ваше «пупури», послушаем, оценим, – сказала Вале Алексеева.

Пришли в дом больной сестры Корчагиной. Она и ее домочадцы были чрезвычайно рады гостям. Тут же начали шептаться между собой. Лева это заметил и толкнул локтем стоящего рядом Мишу Красного: они что-то замышляют. Около больной помолились, и все пришедшие посещать начали петь ее любимые гимны. Потом Миша сказал слово. Он вдохновился, и хотя все чувствовали, что ему пора кончать, он, полный огня, развивал мысли о будущей жизни, где не будет скорбей и болезней. Больная слушала с сияющими глазами, но потом глаза ее потухли, она устала, опустилась на подушку. Юный же проповедник продолжал свою речь.

Больная с беспокойством поглядывала на вошедшую дочь, видимо, что-то хотела ей сказать.

Наконец, Валя Алексеева не выдержала и, когда Миша сделал маленькую паузу, громко сказала: «Аминь». Все подтвердили «Аминь», и Миша сел.

– Дорогие друзья, – сказала сестра, дочь больной, – в столовой уже все приготовлено, вы должны сейчас покушать. Проходите в столовую.

– Нет, нет, – раздались голоса, – мы лучше посидим у больной.

– Мы совсем не есть к вам пришли, – сказал Лева. Но домочадцы настойчиво приглашали их к столу.

– Идемте, идемте, – сказал Миша Краснов, – нельзя же обижать людей.

Как ни отказывались некоторые, всех посадили за стол. Клавдия Кабанова произнесла молитву перед едой. И только один юноша так и не сел за стол. Он находился рядом и на все уговоры отвечал, что еще нужно посетить другие семьи, задерживаться некогда, и вообще, они не кушать сюда пришли. Это был Лева. После обеда всех стали угощать яблоками из собственного сада. От этого не отказался и он. Успели посетить еще одну семью.

– Друзья, – сказала Вале Алексеева, когда все направились на вечернее собрание, – мы сейчас пойдем в три места: одни поедут к Камыниным, там собрание, туда поеду и я. Другие – на Ново-Садовую.

– Это мы, – сказал Миша Краснов, – те, кто поет во втором хоре, и ты, Лева, поедешь с нами.

Лева кивнул головой.

Остальные, которые жили вблизи молитвенного дома, Маруся Волкова и из семьи Шадчиневых, направились в молитвенный дом на Крестьянской улице. Но прежде чем расходиться, Валя Алексеева попросила после собрания всех прийти в главный молитвенный дом для того, чтобы обсудить некоторые вопросы.

– Я уже об этом договорилась с Витей Орловым и Петей Фоминым, и все хористы предупреждены, – сказала она.

Вечером, после собрания, молодежь прошла вперед на те места, которые занимали хористы, и, призвав имя Господне, Валя Алексеева начала свою беседу о посещении.

– Друзья, – сказала она, – в настоящее время мы не имеем юношеского кружка, как в прошлом; ведь когда-то долгие годы при Самарской общине самоотверженно работал юношеский кружок, в который входила вся верующая молодежь. Он нес определенное служение, каждому было поручено дело. Были те, которые занимались только музыкой, другие – пением, третьи – чтением стихов. Одна группа называлась корреспондентской – она от лица кружка молодежи вела переписку с верующей молодежью других городов; другая – группа книжного шкафа – распространяла Евангелия; третьей была группа посещения больных – это наши юноши и девушки, которые посвящали себя всецело благородному де-

ду помогать тем, кто не может быть на собрании.

– Валя, ты забыла упомянуть группу редакции газеты «Светильник».

– Да, забыла, да я не собираюсь рассказывать о работе нашей молодежи в прошлом. Кто хочет, может познакомиться с имеющимися у нас стенными газетами «Светильник», отчетами, протоколами заседаний. Сегодня, как договорились, я буду говорить только о посещении. Так вот, друзья, сейчас, конечно, у нас нет никакого кружка – это запрещено властью, нет никаких групп, но как в одном теле много членов и каждый выполняет функцию свою, так и каждый из нас должен иметь определенный труд для Господа. Посещать больных – это дело всех без исключения: и пресвитера, и не давно обращенного. Сам Господь побуждает сердце проявить любовь к заболевшему, будь он верующий или неверующий. Раньше, когда была полная свобода, после революции, верующие открыто посещали всех страдающих – ходили по больницам, бывали в тюрьме и там пели и проповедовали Христа. Теперь, слава Богу, мы можем посетить всегда любого заболевшего. И я хочу сказать о том, как нужно это делать.

Больной быстро утомляется, ему нужен покой. Кроме того, иногда он нуждается в уходе только своих близких. А Миша сегодня так затянул проповедь, даже у меня внутри все переворачивалось, видя, как сестре не по себе. Нам надо было выйти поскорее из комнаты, дать ей передышку, а мы сидели. Нужно быть чутким и очень внимательным к состоя-

нию больного. Но все-таки хочется похвалить тебя за то, что ты говорил о радостном, вечном, небесном.

– Друзья, избави Бог, если кто придет к больному и начнет рассказывать ему неприятные новости, расстраивать его – этим мы можем оказать только медвежью услугу. Больному прежде всего нужно принести радостное; светлое, чтобы он приободрился, тогда и настроение станет лучше, и аппетит появится, поправляться начнет. Хорошо, конечно, больному принести чего-нибудь, вот как в этот раз поступила Клава Полтораднева. Больным, которых мы посетили, она принесла по букетику цветов. Но не только это. Нужно везде, где мы бываем, внимательно смотреть, чем мы могли бы практически помочь данной семье. Признаюсь вам, есть у нас одна сестра, она всегда смотрит по сторонам, расспрашивает родных, что нужно сделать или купить, а после посещения просит помочь других или сама делает, что может. Так и нам нужно поступать. Может быть, кому-то надо вымыть полы, постирать белье; старым сестрам, которые сами не могут, – напилить дров. Везде и всегда мы должны радовать не только словом, пением и молитвой, но и делом, практическим, добрым делом. Ведь наш Спаситель Христос не только жалел больных и разговаривал с ним, но Он реально помогал им.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.